

О.А. Волошина

ГРАММАТИКА ПАНИНИ В КОНТЕКСТЕ ДРЕВНЕИНДИЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Рассматриваются структурные и композиционные особенности древнеиндийской грамматики Панини, обусловленные бытованием текста грамматики в контексте мифоритуальной культуры древней Индии. Механизм многократного кодирования содержания в грамматике, особая перекрестная структура и своеобразная композиция Восьмикнижия позволяют воспринимать грамматику как особого рода текст, функционирующий в рамках ритуальной культуры.

Ключевые слова: грамматика Панини, структура и композиция текста Восьмикнижия, ритуальная культура в древней Индии.

Древнеиндийская грамматика Панини (V–IV в до н.э.) *Aṣṭādhyāyī* (букв. «состоящая из восьми книг» — «Восьмикнижие») с начала XIX в. — времени первого знакомства европейцев с этим сочинением — является предметом пристального изучения и неизменного восхищения нескольких поколений ученых. Однако, несмотря на огромный интерес к этой грамматике, современные ученые так мало могут сказать о ней, а немногочисленные переводы этого сложного текста неизбежно принимают вид комментариев и интерпретаций. Специалисты, занимающиеся грамматикой Панини, неоднократно указывали на сложность изложения, запутанность композиции и наличие в тексте множества «темных мест», которые часто не поддаются однозначному толкованию.

Современный ученый надеется обнаружить в тексте грамматики что-то подобное привычным научным описаниям, в которых материал излагается в определенной последовательности, причем каждая глава посвящена строго одной теме и заканчивается выводом — итогом исследования. С первой сутры грамматики Панини читатель понимает, что его ожидания не оправдаются и что перед ним текст совсем другого плана — необычный, непонятный, странный. Понять своеобразие лингвистической теории, особенность композиции и стиль изложения древнеиндийской грамматики невозможно, рассматривая текст с привычной точки зрения, работая с древним

индийским лингвистическим трактатом так же, как с современными научными грамматиками. Более перспективным, безусловно, будет подход, предполагающий изучение Aṣṭādhyāyī в контексте древнеиндийской культуры; важно попытаться определить ту функцию, которую имела грамматика во время ее создания — в IV в. до н.э. Индологи давно говорили о том, что священный текст может быть понят лишь внутри традиционной культуры, что невозможно объяснить древний текст вне культурного контекста, навязывая ему абсолютно чуждые категории мышления, литературные и философские нормы. Попробуем посмотреть на грамматику Панини в контексте некоторых других значимых текстов того времени, учитывая некоторые особенности их строения и возможного функционирования.

Общим местом стало утверждение о том, что вся древнеиндийская культура базируется на священных текстах Ригведы, что все древнеиндийские науки (а грамматика особенно) есть своеобразная «надстройка» над ведийскими гимнами. Не случайно именно грамматика в древней Индии считалась царицей наук — *vedānām veda* (*веда вед, знание знаний*) [Елизаренкова, Топоров 1979: 41]. Отметим некоторые характерные черты древнеиндийской грамматики Панини, которые становятся наиболее очевидными и получают истолкование именно в контексте такого подхода.

1. Грамматика может рассматриваться как своеобразный **ритуальный текст** — своего рода **рецепт создания сакрального текста**, а грамматист — как **жрец**, деятельность которого направлена на порождение сакрального текста — воплощение сакрального смысла.

Как известно, ведийские тексты есть порождение мифологического сознания, они насквозь ритуальны, участвуют в ритуале (строго регламентированной последовательности действий) как его вербальная («словесная») составляющая.

Исследователи неоднократно говорили о сходстве деятельности жреца и поэта, жреца и грамматиста. «Напрашивается предположение, что древнеиндийский грамматик ведийского периода был одним из жрецов, контролировавших правильность (адекватность) речевой части ритуала. В таком случае получает свое объяснение поразительное сходство операций, совершаемых грамматиком, с тем, что делает жрец. Как и жрец, грамматик расчленяет, разъеди-

няет первоначальное единство... устанавливает природу разъятых частей... синтезирует новое единство, уже артикулированное, организованное, осознанное и выраженное в слове» [Елизаренкова, Топоров 1979: 42].

Исключительная роль речи (Vāc), создающей и организующей ведийскую вселенную, неоднократно отмечалась исследователями текста Ригведы. Отметим здесь всего лишь одно свойство речи — разрозненность, расчлененность, способность принимать разнообразные формы:

tām mā deva vy adadhuḥ puputrā /
bhūristhātrām bhūryāveçayanīm (X, 125, 3)

*Меня (такую) распределили боги по многим местам, /
(Меня), имеющую много пристанищ, принимающую много
(форм).*

Из этих разрозненных элементов, из множества форм Vāc создает, синтезирует, организует ведийскую вселенную, именно поэтому гимны Ригведы возводят Речь в статус верховного божества.

Сакральный характер соединения (синтеза) разрозненных элементов, создание осмысленного целого из хаоса присущ и грамматике. Не случайно грамматика называется в Индии vuākaḡaṇa, что значит *расчленение, анализ*, а содержание грамматического трактата составляет описание правил порождения словоформ и их сочетаний, т.е. синтез правильного текста.

Грамматика посвящена синтезу словоформы из разного типа морфем: к корню присоединяются именные или глагольные аффиксы, затем падежные или личные окончания. Сутры грамматики не содержали списков этих морфем, в них указывалась только ссылка на классы, содержащие морфемы разного типа. Именно поэтому сутры грамматики были сформулированы крайне экономно, язык формализован, постоянно встречаются *прагьяхары* (pratyāhāra — «стяжение, сжатие» — техническое обозначение класса единиц). Причем единицы, сгруппированные по классам, располагались в строгой последовательности внутри каждого класса, поэтому даже место единицы в цепочке было чрезвычайно значимым и учитывалось при описании приемов формализации.

Итак, грамматика Панини содержала различные правила соединения морфем, фонемные чередования в морфемах при синтезе словоформ.

Например, для образования формы императива 2 лица единственного числа к глагольному корню присоединяется соответствующее окончание: $\sqrt{\text{-li}} + \text{dhi}$.

Однако согласно правилам, изложенным в сутрах (8. 2. 31) и (8. 2. 26) $h > dh$ в корне и получается форма $\text{li}dh + \text{dhi}$. Далее происходит ассимиляция согласных звуков $\text{li}dh + \text{dhi}$ (согласно сутре 8. 4. 41), элизия согласного dh перед dh (сутра 8. 3. 13) и удлинение гласного корня (сутра 6. 3. 111). В результате всех этих преобразований получается форма $\text{li}dhi$ [Волошина 2010: 164].

Деятельность грамматиста предполагала умение совершать эти операции анализа и синтеза — рассекать, расчленять исходный текст, слово, а затем из отдельных элементов созидать цельный сакральный текст, при этом подразумевалось, что именно в процессе синтеза вновь образуемое целое наделяется божественной энергией, и в этом смысле человеческое возводится до уровня божественного. Именно поэтому деятельность грамматиста приравнивалась к совершению ритуала жрецом и считалась священной. Грамматист мог восприниматься как демиург, ведь он творил божественное из хаоса, соединяя разрозненные автономные части в смысловое целое, которое в его руках наделялось сакральным смыслом.

2. Текст грамматики, как и гимны Ригведы, обладает своеобразной **перекрестной структурой**, т.е. предполагает не только линейное (горизонтальное) развертывание текста, но и вертикальные, глубинные связи, обеспечивающие корреспонденцию рассматриваемого текста с другими. Грамматист при создании трактата опирается на вспомогательные тексты, знание которых необходимо для понимания грамматики. Так, морфонологические чередования и различного рода сандхи (звуковые изменения на стыке отдельных морфем и целых слов) формулируются в грамматике с использованием особых морфонологических классов звуков (см. начальные 14 сутр трактата Панини: так называемые шива-сутры или пратьяхарасутры [Böhlingk 1885: 1]). Словообразование и формообразование глаголов опирается на список глагольных корней, распределенных по десяти глагольным классам — *Dhātupāṭha* [Ibid.: 568]. А именные формы образуются путем синтеза морфем в списке *Gaṇapāṭha* [Ibid.:

602].

Этот прием можно обнаружить и при построении ведийских гимнов: в Ригведе не описываются индийские мифы, нет последовательного изложения разных сюжетов. Веды предполагают знакомство аудитории с мифологией — важнейшей составляющей индийской культуры. Апелляция к уже известным текстам, постоянные ссылки на другие тексты — важная черта стилистики древнеиндийских произведений. Этими ссылками обеспечивается **перекрестная структура текста**: наличие не только горизонтальных — синтагматических — сочетаний, но и вертикальных — парадигматических — связей.

Любой значимый для древнеиндийской культуры текст невозможно рассматривать изолированно, вне контекста, представленного всем корпусом перекликающихся, пересекающихся, поддерживающих друг друга текстов. И только вслушавшись, образно говоря, в симфонию всех текстов, можно расслышать тот общий, онтологически первичный сакральный текст-основу, сознательно скрытый и переслоенный позднейшими сочинениями. Речь идет не только о таком распространенном в индийской культуре жанре, как комментарий, но и о том, что произведения самых разных жанров, отраслей науки оказываются выстроенными по общему плану. Каждый текст по-своему кодирует сакральное содержание, поэтому он играет свою роль, выполняет особую функцию, помогая сначала зашифровать, а потом декодировать этот вечный сакральный смысл.

3. Многократное кодирование содержания на уровне семантики, синтаксиса, морфологии и фонетики — важная отличительная черта текстов древнеиндийской культуры. Так, в гимнах Ригведы одно и то же содержание оказывается закодировано по крайней мере трижды: на уровне семантики, морфологии и фонетики.

Имя бога, которому посвящен гимн (своего рода ключевое слово) обыгрывается единицами самых разных языковых уровней — семантического, морфологического и звукового. На уровне семантики язык гимнов характеризуется развитой синонимией и полисемией, возможностью называния одного и того же объекта разными конструкциями: синонимами, различными эпитетами, перифрастическими конструкциями, различными намеками на ключевое слово — на стоящий за ним образ и сюжетную линию [Волошина 2011].

На морфемном уровне состав ключевого слова обыгрывается

различными комбинациями морфем, входящих в его состав, выстраиваются ряды слов, содержащих хотя бы одну морфему ключевого слова — не случайно древнеиндийская грамматика так много значения уделяла аранжировке морфем¹. Индологи не раз указывали на «падежное» построение отдельных гимнов Веды — когда имя бога употребляется в разных падежных формах, «употребление падежей божественного имени в гимне как бы описывает другую “грамматику” — отношений человека к богу, формализованных в ритуале» [Елизаренкова, Топоров 1979: 73].

Стоит заметить, что помимо синтагматической сочетаемости морфем в составе словоформы в гимнах использовался повтор слогов, из которых состояло ключевое слово гимна. Древнеиндийские поэты широко использовали практику этимологического анализа, помогающего оттенить и высветлить значение ключевого слова². Однако принцип повтора слогов не рассматривается в грамматике Панини — древнеиндийский грамматист строго отличал морфему как единицу, наделенную значением, от слога.

На повтор слогов как на принцип кодирования ключевого слова ведийского текста, как и на звуковой символизм — «звуковую гармонию» текстов Ригведы, впервые обратил внимание Фердинанд де Соссюр. Он считал этот прием «свидетельством очень древнего грамматико-поэтического анализа», о котором писал: «Меня не удивило бы, если бы оказалось, что грамматическая наука Индии, в обоих ее основных разделах — звуковом и морфологическом, являлась бы продолжением индоевропейских традиций, касавшихся тех приемов, которым надо было следовать в поэзии при составлении *carmen* (песни, заклинания) с учетом форм имени бога» [Соссюр 1977: 640].

Информация многократно кодируется в тексте гимна — лексическими средствами, морфемным сочетанием и звуковыми намеками,

¹ Европейские лингвисты утверждали, что именно широкое распространение теоретических положений индийской грамматики в Европе в начале XX в. способствовало появлению в европейской лингвистике понятия «морфема».

² Если для европейских компаративистов этимологический анализ использовался при доказательстве родства языков, то в индийских трактатах *nirukta* этимологизирование является продолжением важной индийской традиции членения слов на части.

которые как бы вплетены в ткань гимна. Очень ярким в этом отношении является гимн Савитару IV, 54, где имя бога не только называется, сопровождается эпитетами, но и обыгрывается похожими сочетаниями звуков [Елизаренкова 1993: 126]. Или последний гимн Ригведы о «единении» (X, 191) «весь построен на анаграмматическом обыгрывании ведийского sam (преверб с видовым значением и со значением единства) и омонимичной (исконно родственной) ему основы со значением единства» [Иванов 1979: 12].

И звуковая гармония, и морфемная комбинаторика способствуют существенному «увеличению гибкости древнеиндийского языка, т.е. числа всех возможных синонимических перифраз или пересказов некоторого смысла. Следовательно, необходимо было увеличение числа образных (переносных) употреблений каждого слова, составляющее характерную черту древнеиндийской поэзии (начиная с ведийской) и весьма детально изученное в последующих индийских поэтических, лингвистических и философских трактатах» [Иванов 1979: 13].

4. Значимым приемом анализа и ведийских гимнов, и грамматики является разбор **композиции** древнеиндийских текстов. Индологи неоднократно отмечали, что отдельные строфы ведийских гимнов выстраивались в соответствии с общим замыслом текста. В качестве примера можно привести разбор композиции гимна Речи (X, 125): указание на значение кольцевой композиции — начало и конец, на сердцевину гимна как на «иконический образ тайного сокровища» и т.п. [Елизаренкова, Топоров 1979: 64–65].

Что касается композиции грамматики Панини, то исследователи неоднократно отмечали бесплодность многочисленных попыток объяснить композицию Aṣṭādhyāyī, ссылаясь на пестроту материала, непоследовательность подачи сутр, отсутствие закономерности в изложении материала. Высказывалось даже мнение о том, что Панини специально перемешивал сутры грамматики, нарушая стройность изложения, чтобы затемнить смысл текста и помешать непосвященным заниматься наукой. Однако такое предположение вряд ли оправдано, дело в том, что композиция любого индийского текста тщательно продумана и опирается на строгую систему. С этой точки зрения важно попытаться проследить закономерности композиционного построения текста Панини: центральная часть грамма-

тики посвящена синтезу глагольных и именных словоформ, а начало и конец грамматики — чередованиям звуков. Здесь в середине текста как бы скрыт «иконический образ тайного сокровища» — правила синтеза словоформ из морфем, а на периферии — звуковое оформление, материальное воплощение морфем в изменчивую звуковую форму.

Кроме того, как правило, каждая глава начинается с важнейшего, основополагающего правила санскритской грамматики. Например, первая сутра всей грамматики посвящена объяснению чередования *vṛddhi*³, а третья глава первой книги начинается с введения центрального понятия индийской грамматики — *dhātu* — глагольного корня и т.п.

Однако важнейшие правила грамматики зачастую чередуются с правилами, посвященными особой форме какого-нибудь редкого слова. Часто без комментария невозможно не только понять истинный смысл сутр грамматики, но даже догадаться о том, где кончается одна тема и начинается другая. Такая композиция, вероятно, объясняется традицией передачи знаний в Индии. Ведь любой текст существовал в устной форме, заучивался наизусть путем повторения за учителем. После этого практиковалась медитация над текстом, умение вспомнить все места грамматики, которые были посвящены определенной теме — этот навык высоко ценился индийскими грамматистами. Ведь важно было не только запомнить текст, но и научиться пользоваться им, так как любой древнеиндийский священный текст (в том числе и грамматика) был составной частью ритуальной культуры и функционировал как часть ритуала.

Возможно, такая непонятная современным читателям композиция оказывалась своеобразным средством кодирования информации и была оправдана функционированием текста как части ритуала.

5. Понимание и объяснение текста *Aṣṭādhyāyī* не путем изучения лежащего на столе текста, а «при его применении, при его правильном, построенном на непрерывной рецитации, функционировании» [Семенцов 1981: 65], т.е. в **контексте мифоритуальной культуры**

³ Первое слово грамматики — *vṛddhi* помимо терминологического значения — степень чередования гласных, имеет еще значение — «возрастание, благополучие, успех». Индийский грамматист, начиная свой труд этим словом, желал благополучной, успешной деятельности по усвоению и использованию грамматики.

Ригведы, по законам «ритуальной логики».

Цель грамматики — обеспечить правильное кодирование сакрального смысла. На выполнение этой задачи работали различные языковые техники, широко используемые в гимнах Ригведы — звуковые аллитерации, аранжировка морфем, лексическая вариативность — все это обеспечивало семантическую глубину и емкость сакрального текста. Языковая база (инструментарий) этой техники кодирования была представлена в грамматике Панини, поэтому с большой долей вероятности можно утверждать, что Aṣṭādhyāyī предлагала алгоритм кодирования сакрального смысла, рецепт создания сакрального текста.

Обеспечивая приемы многократного кодирования информации (и на семантическом, и, что еще важнее, на формальном уровне) Aṣṭādhyāyī представляла собой своеобразную «машину времени», благодаря которой ведийские гимны обретали бессмертие.

Библиография

Волошина О.А. О структуре и лингвистической терминологии грамматики Панини и ее влиянии на европейскую лингвистику // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». Московский лингвистический журнал. Т. 12. М., 2010. С. 161–172.

Волошина О.А. Об именах ведийских богов // Индоевропейское языкознание и классическая филология — XV. Материалы чтений, посвященных памяти И.М. Тронского. СПб.: Наука, 2011. С. 143–151.

Елизаренкова Т.Я. Язык и стиль ведийских риши. М.: Наука, 1993.

Елизаренкова Т.Я., Топоров В.Н. Древнеиндийская поэтика и ее индоевропейские истоки // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 36–88.

Иванов В.В. Эстетическое наследие древней и средневековой Индии // Литература и культура древней и средневековой Индии. М.: Наука, 1979. С. 6–35.

Катенина Т.Е., Рудой В.И. Лингвистические знания в древней Индии // История лингвистических учений. Древний мир. Л.: Наука, 1980. С. 66–91.

Семенцов В.С. Бхагавадгита в традиции и в современной научной критике. М.: Наука, 1985.

Соссюр Ф. де. Отрывки из тетрадей Ф. де Соссюра, содержащих записи об анаграммах // Ф. де Соссюр Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.

С. 639–645.

Aufrecht Th. Die Hymnen des Rigveda. Berlin: Akademie-Verlag, 1955. Teile I, II.

Böhtlingk O. Pāṇini's grammatik. Herausgegeben, übersetzt, erläutert und mit verschiedenen indices versehen von Otto Böhtlingk. Leipzig: Verlag von H. Haessel, 1887.